

Жизнь каждого человека, разделяется на две половины. На «до» и «после».

До сорока лет я жил вполне нормальной жизнью. Счастливое, по тем временам, детство, армия, семья, работа... Это было «до»...

А «после»... Обрушение строительной панели, ампутация, смерть жены и одиночество. Но я категорически не хотел сходить с ума в пьяном угаре и, чтобы не быть обузой родным и друзьям, написал заявление с просьбой поместить меня в Дом милосердия. Я не знаю почему, но в нашем обществе сложилось весьма негативное впечатление о домах подобного типа, и на собственном примере я попытаюсь развеять это нелепое заблуждение.

Прошло уже больше пяти лет, а кажется, только вчера, в сопровождении сестры и друзей, я переступил порог дома-интерната.

Месяц обязательной изоляции в медицинском боксе, тяжелейшая адаптация и неопределенное будущее. Мне было 44 года!

На помощь пришло творчество. В конце восьмидесятых я сделал робкую попытку оставить свой след в большой литературе

Не хлебом единым...

и принес в редакцию нашей районной газеты «Кулебакский металлист» первый рассказ «Скворушка».

Тогда еще ответственный секретарь, а теперь главный редактор газеты В.Ф.Чернов внимательно прочитал мое произведение, и на следующий день рассказ напечатал. Первый блин не получился комом, и я получил причитающийся мне повышенный гонорар. Целых 10 рублей! Было 31 декабря 1990 года.

Однако я отвлекся. Итак, за появлением неограниченного свободного времени я снова начал писать, благо, материала у меня было предостаточно.

Меня часто спрашивают, какой литературный институт я закончил. Отвечаю. Никакой! Всем приемам литературного мастерства меня обучил мой друг, Владимир Федорович, который на протяжении 30 лет руководит литобъединением «Лири», созданным им при нашей газете.

А дальше... Дальше благода-

ря лояльности директора дома-интерната О.Е. Смоляковой мне предоставили уютную комнату, и в этот же день Чернов привез мне старенький компьютер. Несмотря на свою чрезмерную занятость, Владимир Федорович битье полдня толковывал мне азы компьютерной грамотности и уехал лишь тогда, когда я научился самостоятельно набирать текст.

Так началась моя новая жизнь! Дружелюбно настроенный персонал, отличное питание, богатая библиотека... В нашем доме проживают в основном люди довольно преклонного возраста, живущие послевоенными воспоминаниями, а я живу настоящим, надеясь на будущее. Меня часто навещают сыновья, друзья, но мне катастрофически не хватало равноценного общения.

— Тебе срочно нужен Интернет! — Владимир Федорович задумчиво посмотрел на меня и поправил очки. Через месяц, благо, у него есть такая возможность, он привез мне большой и более совре-

менный компьютер с модемом. Я шагнул в мир!

В начале зимы 2009 года, по инициативе культуротника Н.Н. Трошиной, мы решили создать свой театр и уже весной выступили на смотре-конкурсе в Выксе, со сказкой «Репка». Потом были многочисленные театрализованные представления, сказка «Жили у бабуся», гала-концерт в Нижнем, где мы заняли первое место в своей номинации со сказкой на новый лад «Золотое яичко». Нередкие гости у нас — артисты областной филармонии, районного Дома культуры, различные самостоятельные коллективы. Часто, особенно в летнее время, мы выезжаем в Муром, в Дивеево, по святым местам...

Но самое главное, мне сделали индивидуальные протезы. Вот теперь я понимаю, каких усилий стоило директору Ольге Евгеньевне и медперсоналу добиться отправки меня в Нижегородский ортопедический центр. Только

потеряв ноги, я понял, какое это счастье — передвигаться самостоятельно!

А сейчас мы репетируем новый спектакль и усиленно готовимся к очередному конкурсу. Ждем новых впечатлений и надемся только на лучшее!

Ведь не хлебом единым жив человек!

Геннадий ПЕРМИНОВ

Пусть смотрят с икон материнские лики

У Иры так неудачно начался тот день! Весенняя погода развезла проселок в родном селе. Нога скользнула по вязкой земле, и баба Поля не успела удержать девушку. Она безуспешно пыталась опереться обо что-нибудь в дорожной колее, когда сзади послышалось: «Ва-а-ах!» За ними остановились две цыганки. Бабушка, не оглянувшись на неожиданных свидетельниц ее оплошности, начала причитать: внучка, мол, инвалид первой группы, детский церебральный паралич, правой рукой совсем не владеет, говорит невнятно... А потом, окинув цепким старушечьим взглядом пестрый наряд и серьги-кольца, смиренно попросила:

— Погадайте! Выйдет ли она у меня когда-нибудь замуж?

Ира вспоминает: тоненькая она была, щуплая. Восемнадцать лет и не дашь. Скукожилась вдруг тогда, замкнулась. А тут, когда цыганка приблизилась к ее лицу свои глаза, в одно мгновение почувствовала себя такой открытой всему миру, что и сейчас вздрагивает.

— Да, — медленно кивнула тогда цыганка. — Сейчас какой год — 1988-й? Две восьмерки, значит. Ровно через два года выйдет твоя девочка замуж. Уедет далеко-далеко. Родит двоих...

И неожиданно резво выставила вперед большой палец:

— ... А жить будет во как!

Цыганки обогнали их и пропали из виду. А они с бабой Полей долго стояли ошеломленные.

С сыном железнодорожницы Таисии Андреевны Игорем Ира тогда уже была знакома. Мама говорила с уважением: Таисия Завьялова — она по кадрам. Ира железную дорогу представляла, а вот кадры — нет. Что-то важное и серьезное. Игорек же ей казался простым и неинтересным. Правда, катал ее на салазках быстро и разворачивал круто.

В первый раз они увиделись, когда Ире было девять лет. Она училась в интернате для инвалидов в Пензенской области. А Игорю исполнилось двенадцать, он учился в таком же интернате в далеком городе Кстово. Ира запомнила еще смешное название его родины: Шахунья.

Но их мамы тогда все еще надеялись вылечить сына и дочку. И обоих привезли в один день в знаменитую клинику в Калугу. Там и познакомились. Мамы подружались быстро, а Ирочка еще долго протестовала. Как и все девчонки, она мечтала о принце и о карьере актрисы. Ей казалось, что Игоряха на роль принца не подходит. Ну, катает на салазках, и что? Белого коня нет, короны тоже, даже королевского театра нет, где она могла стать примадонной... А уж мечту ее о том, чтобы накопить побольше денег, встречает вообще усмешкой.

Но когда Ира доверила ему свою тайну: для чего ей деньги, — Игорек задумался. И в первом же письме после расставания написал: «Давай копить вместе. Я помогу тебе купить девочку Женю, раз ты так об этом мечтаешь».

Тогда Ира назвала Женей большого пупса в ползунках и забросила всех своих кукол, кроме него. Каждый день рассказывала пупсу, как хорошо они будут жить все вместе.

Родственники внимательно следили за развитием отношений взрослых детей. Таисия Андреевна тихо радовалась каждой

малости. Да, сын инвалид второй группы. Но ведь не курит! Вина в рот не берет! Счастье-то какое! Нам, здоровым, не пережившим ужаса и тоски матери ребенка-инвалида, этого не понять. Она готова была на руках носить женщину, которая полюбит ее сына. Таким, какой есть.

...Ира переехала в северную Шахунью к любимому. И руки «мамы Таи», не сомневавшейся в мудрости и живом уме невестки, стали ее поддержкой.

— Где свекровь, где мама — разницы не вижу, — говорит сегодня Ирина Завьялова.

— Какая она, Таисия Андреевна? Мама как мама, их ведь у меня две. Других слов не надо.

Она выросла в большую реалистку, эта Ирина. Прежде чем выйти замуж, написала письма в разные медицинские инстанции. Спрашивала одно и то же: «Имею ли право стать матерью? Смогу ли родить здорового ребенка?»

— Что? Родить захотела? С диагнозом «детский церебральный паралич»? — вот какие слова услышала она в первый же приход в женскую консультацию.

— Раз забеременела, рожу, — твердо сказала тогда будущая мама — инвалид первой группы. — Мне профессора обещали здоровых детей.

Но снова и снова почти в каждое посещение врача слышала слова:

— Кого спасать буду, тебя или ребенка?

Запретила Таисии Андреевне сопровождать ее в кабинет: «Стои на улице, мама, не ходи со мной. Побереги нервы, они тебе пригодятся для двойняшек».

О том, что родится двойня, Ирина сказала близким сразу, как почувствовала в себе новую жизнь. Объяснила так: «Я цыганке верю. Но второй раз мне рожать не дадут. Значит,

двойня». А врачам отрезала: «Не делайте вид, что боитесь за мою жизнь. Хоронить-то меня все равно не вам».

Дети появились на свет 4 апреля 1992 года. На младенцев пришла посмотреть и врач-гинеколог, которая буквально заставляла ее прервать беременность. Тут уже Ирина ей высказала все, что наболело.

Мальчика назвали Владимиром. Девочку, конечно же, Женей. Свекровь, к этому времени уже работавшая в строительной организации «за квартиру», досрочно ушла на пенсию. На ее руках, по сути, теперь были и новорожденные.

— Какой год в воспитании детей был самый тяжелый? — спрашиваю у Ирины. — Каждый, — отвечает она. — Детей растить — не так себе. Чтобы были не как инвалиды.

Не поспать, ни поесть, только в туалет успеваешь...

Боялись с Игорем всего. Гвоздик в руках у ребенка — поцарапает глаз. Стакан, готовый разбиться, распорот кожу. Стул опрокинется и ударит... Приходили в панику даже от детского любопытного взгляда на электрическую розетку.

Ежечасно, ежеминутно страдающие сами от физической немощи, они день и ночь караулили сохранность тела самых любимых существ. Они и о морали-то сегодня пекутся прежде всего с точки зрения физической полноценности: «Чтобы были не как инвалиды».

Двадцатилетняя красавица Женечка, наверное, немного обижается на маму. Девушке хочется пройтись вечером по улице, посидеть с молодым человеком. Из-за этого мама Ира говорит: «У меня на дочку зуб». Ведь ей, не имевшей такой свободы в передвижении и поэтому даже не испытывавшей желания погулять ночью по городу, не очень понятны порывы родной девочки. А Жене, не испытывавшей, слава Господу, той скованности, в которой живут ее родители, и оценивающей окружающее меркой здорового человека, трудно разобраться в причинах жестких требований мамы. Но главное девушка понимает:

— Все у меня есть в этой жизни: компьютер, тренажер, крутой телефон. А мама... Какая

бы ни была, это мама. Ее надо любить и уважать. Уже за то, что делает для нас с братом Вовой, ей надо памятник поставить. За то, что мы здоровы, что руки-ноги целы. Что Вову взяли в армию в хорошие войска, куда берут только крепких мальчиков. Это в самом деле — счастье. Так трудно, как досталось маме с папой благополучие в нашей семье, наверное, не доставалось оно больше никому. Разве только их мамам.

— Не жалею ли, что родила? — переспрашивает Ира. — Не жалею. Это вторая жизнь. Без сына с дочкой не было бы сегодня и меня. Зачем мне, больному человеку тогда было бы жить?

Она не так беспомощна и пессимистична, как можно подумать о женщине в ее положении. У нее крепкая рука — я сама попробовала сжать левую ладонь и получила хороший отпор. Ей можно поручить напечь хлеба — кусок ее белого каравай мне положили в карман куртки. С ней подружилась бы хорошая счетная машинка — она может в цифрах объяснить выгоду бульона из свиной головы вместо говяжьего: хватит и на суп, и на холодец, и на гуляш. Она может часами рассказывать историю, если приноровиться понимать ее дикцию. Она заразительно смеется.

О чем мечтает эта женщина — дочь двух матерей и мать двоих детей?

О своем собственном жилье — не очень высоко над землей, чтобы можно было выйти на улицу. Шестнадцать лет назад, когда вставали в очередь, они были под номером 20. Сегодня — пятое. Пока семья из четырех человек живет в шахунской квартире Таисии Андреевны Завьяловой, под крышей пятиэтажной «коробки». А сама «мама Тая», уже глубокая старушка, переехала в частный домик, где топят печку дровами, «чтобы не мешать молодым».

Шахунья городок небольшой, все друг друга знают. «Святые матери, — говорят здесь о женщинах Завьяловых. — С их ликов бы иконы писать».

Лариса БУГРОВА

На снимках: Супруги Завьяловы: Игорь и Ирина с дочерью Евгенией. Сын Владимир Завьялов — рядовой Российской армии.